

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПЕРЕД НОВЫМИ ВЫЗОВАМИ

© 2017 г. В. Шейнис

Экономическая и политическая интеграция европейских государств знала свои прорывы и откаты. Ныне Европейский союз (ЕС) вступил в полосу кризиса, возможно наиболее острого в своей истории. Пути решения возникших проблем не очевидны. Это создает сверхнормативные напряжения и нагнетает тревожные ожидания. Но процессы, разворачивающиеся в Европе и уже изменившие ее лицо, имеют объективную основу, и их главные итоги необратимы. Перед европейскими обществами стоят трудные, но решаемые задачи.

Ключевые слова: миграционный кризис, украинский кризис, разворот в отношениях Европы с Россией, уязвимые звенья Евросоюза, Брекзит, политическая девальюция в Польше и Венгрии, судьбы ЕС.

Статья поступила в редакцию 18.10.2016.

DOI:10.20542/0131-2227-2017-61-2-23-32

В начале XXI в. перед ЕС и входящими в него странами встали исключительно сложные проблемы. В ранее опубликованной статье была сделана попытка представить непростой, но в общем успешный путь к объединенной Европе [1]. Сейчас в ЕС и входящих в него странах складывается новая ситуация. Дальнейшее развитие объединительного процесса требует от них решения проблем, с которыми они либо вообще столкнулись впервые, либо проблемы были менее критичны и способы их решения найдены и испытаны. Проблемы, о которых пойдет речь здесь, отличаются тем, что они не вполне осознаны европейскими обществами и их политическим классом, а главное – опыт решения большинства из них еще только осмысливается и нарабатывается. Остановимся на некоторых, наиболее острых из них.

ПРИТОК ИММИГРАНТОВ – ВЕРХУШКА АЙСБЕРГА

В конце XX в. американский профессор С. Хантингтон провозгласил наступление новой эры – конфликта цивилизаций, и его книга стала одним из самых цитируемых ученых трудов. Автор предрекал “конфликты между стержневыми государствами..., принадлежащими к разным цивилизациям” – это и оказалось в центре внимания. Меньшую тревогу вызывало то, что разломы множатся и внутри отдельных относительно благополучных государств, о чем тоже упоминал Хантингтон: “Западной культуре бросают вызов и группы внутри западных

обществ. Они исходят от тех иммигрантов из других цивилизаций, кто отказывается ассимилироваться и продолжает оставаться верен духовным ценностям, обычаям и культуре своих родных стран и передает их из поколения в поколение” [2, р. 324, 501]. Проблематично, дойдет ли дело до схватки цивилизаций на мировом уровне. Но конфликты, происходящие из сосуществования во многих странах Европы больших контингентов культурно чужеродного населения, тлели давно и в последние годы стали одним из самых серьезных вызовов в Европе.

Пока удельный вес иммигрантов был сравнительно невелик, можно было рассчитывать, что “плавильный котел” со временем выполнит свою работу. Но даже многие из тех, кто обосновались в Европе уже не в первом поколении и приобрели здесь гражданство, продолжали сохранять свою обособленность – традиции, ценности, нормы бытового поведения, отчуждавшие или даже вызывающе противопоставлявшие их коренному населению. В лучшем случае “переплавка” могла бы потребовать смены нескольких поколений – такого срока не было дано даже при относительно умеренных темпах иммиграции.

Положение резко осложнил взрывной приток иммигрантов, за которыми потянулись многочисленные члены семей, родственники, соплеменники, прослышавшие о благах жизни в заморских странах, которые издали казались им Землей обетованной. А сравнительно недавно последовало массовое бегство в Европу людей, спасающихся от голода, разорения, гибели в кровавых междоусобицах, этнических и религиозных чистках. Специалисты ИМЭМО справедливо отмечают, что ЕС ныне переживает самый масштабный после Второй мировой войны миграционный кризис. На его территории обосновались 1.5 млн только нелегальных мигрантов.

ШЕЙНИС Виктор Леонидович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 23 (sheynis31@gmail.com).

К концу 2016 г., по некоторым оценкам, их число может подойти к 3 млн человек. Но это лишь триггер проблемы. Дублинское соглашение, подписанное всеми странами ЕС, предписывает беженцам запрашивать убежище в первой стране Союза, в которой они объявились и зарегистрировались. Но на практике это соглашение не исполняется. Уязвимым оказалось и решение, принятое в сентябре 2015 г. (при 4 голосах “против” и 1 воздержавшемся), о распределении квот на прием мигрантов между странами Евросоюза. Но оно также наталкивается на сопротивление даже в наиболее лояльных к мигрантам странах [3, сс. 4, 6, 11, 17, 19].

Важно подчеркнуть, что это только верхушка айсберга. По данным ООН и МВФ, 20 млн беженцев снялись с мест своего обитания, и только в 2015–2017 гг. общее число мигрантов в Европу составит 4 млн человек. Некоторые аналитики предвещают буквально апокалипсическую картину: в недалеком будущем в Европу направятся не десятки, а сотни миллионов беженцев. Стремясь добраться до цели, где, как надеются мигранты, их ждут стол и дом, они наводняют страны, которые находятся на их пути, но которые вовсе не желают превращаться в “переполненные залы ожидания”. Только в Греции число проникших в страну мигрантов Международная организация по миграции в 2015 г. насчитала свыше 850 тыс., в 2016 г. ожидается еще миллион [4]. Положение резко обострили последствия “цветных революций”, прокатившихся в последние годы по странам Северной Африки и Ближнего Востока. Это не скоротечное явление. Замирение в этих странах наступит, вероятно, не скоро. А факторы, подрывающие стабильность на сопредельных с Европой территориях, будут долго преподносить немало неожиданностей.

Столкнувшись с потоком людей, многие из которых пускаются в опасный путь под угрозой смерти, ЕС стремится ввести его в рамки: организуя временное проживание в местах их прибытия, вводя квоты на расселение в европейских странах, пытаясь провести селекцию “легальных” и “нелегальных” иммигрантов, оплачивая возврат нелегалов в государства, откуда они прибыли, и т.д. Но реальная проблема не решается, и дело не только в том, что принятые меры не слишком эффективны. Массив инокультурного населения в одних европейских странах по ощущениям их коренных жителей уже перевалил критическую черту, в других — приближается к ней. Массив этот, конечно, не гомогенен, но по своему человеческому составу — по его ценностным установкам, представлениям о допустимом и запретном, по неприятию норм, привычных для европейского населения. Но в значительной своей части он не поддается ни абсорбции, ни бесконфликтному сосуществованию с коренными жителями. Пусть

уличные хулиганы, творившие беспредел в германских городах, или террористы, расстрелявшие редакцию популярного французского журнала, единичны. Но они — порождение той массовой среды, которая снисходительно относится к подобного рода эксцессам. То и дело разгорающиеся костры удается тушить, но они будут загораться снова и снова. Потому что горючий материал здесь в избытке, а из ближних и дальних стран в Европу будут просачиваться новые поджигатели. Хватает их и среди уже обосновавшихся в европейских городах.

Но угроза исходит не только от пришельцев из чужих стран. Не меньшую опасность общественному правопорядку представляет контраггессия националистических и расистских сил, возбуждающих тупую реакцию “отечественного” обывателя против “чужих” (а потому — чуждых). Решать обострившиеся проблемы совместного проживания людей разной крови они требуют, отбросив гуманистические традиции европейской цивилизации и демократическое законодательство, закрыв границы и пересмотрев условия Шенгена. То есть ограничить гражданские свободы во имя безопасности. Нацистские объединения правого толка, которые после войны обретались на периферии политической жизни демократических стран Европы, отвоевывают сторонников у правительственных партий, добиваются избирательных успехов и, собираясь на международных форумах, мастерят собственный интернационал. Этнокультурные конфликты и активизация правонационалистических сил подпитывают друг друга. Ослабления того и другого ожидать не приходится. Вместе они образуют гремучий социальный коктейль, который несет серьезную угрозу европейской демократии. Утверждается представление, что миграционный кризис является “самой большой угрозой будущему европейской интеграции” [3, с. 48]. Если это и преувеличение опасности, миграционный кризис — несомненно, одна из самых трудных и в нынешнем виде проблема открытая и неизведанная. Существуют и другие.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И НОВАЯ РОССИЯ

В 2012–2014 гг. в отношениях России и ЕС второй раз за последние три десятилетия произошел крутой перелом. Правда, “бывали хуже времена...”, но каждый раз страны Запада в общем представляли, какие сюрпризы может принести им сталинский и послесталинский СССР и как на них следует реагировать. Но в 80–90-х годах прошлого века показалось, что пришел конец идеологическому и политическому противостоянию СССР/России и Запада, которое не раз подводило мир к грани ядерной

катастрофы. Тогда возобладало убеждение, что свершившийся поворот – всерьез и навсегда. В официальных заявлениях неоднократно подтверждался “европейский выбор” России. В принятых в 1999 г. документах ЕС и России главные стратегические цели – безопасность, экономическое развитие, демократия – совпадали (хотя и ранжировались по-разному). Состояние наших отношений рассматривалось как стратегическое партнерство, а его укрепление авторитетно подтверждалось как одна из главных задач на перспективу.

С годами, однако, обнаруживались новые несогласия по различным вопросам международной политики, накапливалась “усталость от завышенных ожиданий”¹. Обнажались ценностные противоречия, раздражала критика состояния демократии и нарушений прав человека в России. Созревали предпосылки разворота в отношениях. Игнорировать нарастающее напряжение, заигрывать с “евразийством” и т.п. становилось все труднее. И все же приближенные к центрам, в которых принимаются ключевые решения, эксперты, осведомленные о “брожении умов в российской политической интеллектуальной верхушке”, до последнего момента пытались внушить своим адресатам: «Даже при быстро меняющихся внутрироссийских реалиях и вероятности “перетасовки” внешнеполитических предпочтений отказываться от европейского выбора было бы контрпродуктивно». Это означало бы идти наперекор “действительным потребностям и настроениям нашей страны и нашего общества”. «В уме” мы имеем то, что отношения с Евросоюзом сохраняют для нашей страны одно из ключевых мест». В подкрепление своей позиции авторы привлекали высказывание министра иностранных дел С. Лаврова 2011 г.: “Мыслить категориями какого-то особенного, неевропейского пути России – значило бы отказываться от огромной части нашей собственной истории”².

Но усилия уважаемых ученых предотвратить разворот оказались тщетны. Внешнеполитические амбиции “верхушки” возрастали, возможность воспользоваться острым кризисом в Украине для утверждения сомнительных интересов на постсоветском пространстве расширялась,

а представления о действительной цене, которую придется платить за малополезные приобретения, оказались ошибочными. Внешняя политика шла за внутренней. Анализируя глубинные причины разраставшегося конфликта с ЕС, Н. Арбатова, ведущий специалист ИМЭМО по европейским проблемам писала: «Нельзя быть одновременно “европейцем” вовне и “неевропейцем” внутри своей страны. Такая дихотомия не могла продолжаться долго, и нарастающее внутри страны авторитарное содержание российской власти в конечном счете победило ее внешнюю, весьма поверхностную европейскую форму» [7, с. 11]. Свою главную задачу – вызвать прилив энтузиазма (“крымнаш!”), закрепить и расширить ареал общественной поддержки на ближайшую перспективу – власть решила легко и быстро. Столь же легко было, обладая надежным механизмом управления общественным мнением в России, переломить в нем отношение к ЕС³.

Действия России в Крыму и на Украине вызвали глубокий кризис в ее отношениях с ЕС. Полагая, что явный выход за рамки международного права и нарушение ранее подписанных договоров должны получить адекватный ответ, ЕС ввел санкции: по Крыму – политические и дипломатические, по Донбассу – более чувствительные – экономические. Как и следовало ожидать, санкции, не безболезненные для обеих сторон, не вернули Крым Украине и не ослабили массивную помощь сепаратистам, развернувшим в Донбассе боевые действия. В феврале 2015 г., когда костер на востоке Украины запылал особенно горячо и грозил распространиться на соседние области, “пожарная команда” в лице Меркель и Олланда вылетела в Минск, чтобы на переговорах с Путиным стабилизировать положение. Отчасти это удалось: прекращение активных боевых действий можно считать главным и по сути единственным позитивным результатом минских договоренностей. Политические же условия Минска, внутренне противоречивые, составленные наспех, в цейтноте, оказались неисполнимыми. Каждая из сторон конфликта подвергает их интерпретации, заведомо неприемлемой для противника. Команды, поставленные у власти в Донецке и Луганске, добиваются юридического признания, расширения контролируемой ими территории и внесения таких поправок в Конституцию Украины, которые закрепили бы их самостоятельный статус и предоставили им блокирующий пакет при решении общеукраинских вопросов. Силой демонтировать нелегитимные

¹ Привлекло внимание выступление В. Путина на конференции по безопасности в Мюнхене в 2007 г., когда впервые Западу были предъявлены претензии, что он не учитывает интересы России в ближнем зарубежье. Но сказано это было еще в довольно сдержанном тоне [5].

² Так выглядели оценки, содержащиеся в докладах авторитетного Института современного развития в 2008–2011 гг. [6, сс. 6-7, 136-139, 251-252]. Авторы успели вставить в свою книгу утверждение: “Нельзя признать произошедшее охлаждение стратегически оправданным, и хочется надеяться, что оно не будет долговременным” [6, с. 8].

³ Число респондентов, относящихся к В. Путину с восхищением и симпатией, увеличилось с 22–23% в 2012 г. до 47% в 2015 г. Присоединение Крыма в конце 2015 г. одобряли 83–84%, а отношение к ЕС резко пошло вниз [8, сс. 121, 223, 263].

образования на востоке республики украинская власть не в состоянии. Уступить она тоже не может, ибо любое правительство, которое приняло бы условия сепаратистов, получило бы вотум недоверия в Раде или было бы сметено новым Майданом.

Положение, в котором оказался ЕС, незавидно. Достойный выход из него не просматривается. Он не может отказать в поддержке правительству в Киеве, но не может добиться изменения положения в Украине — во многих отношениях неудовлетворительного. Власть там легитимизирована выборами, но у нее нет ни воли, ни средств, чтобы навести в стране порядок, разобраться с коррупцией, со своевольными элитами в центре и на местах, провести реформы и удовлетворить ожидания населения. У правительства нет надежной опоры в Раде, но проведение досрочных выборов скорее всего дало бы такой же фрагментированный парламент.

Имея дело со слабыми партнерами в Украине, ЕС подвергается давлению со стороны тех, кому занятая позиция представляется слишком тяжелой или опасной ношей. Это предпринимательские сообщества, озабоченные потерей доходов и настаивающие на замене санкций “переговорами” с Россией. Это политики, в том числе руководители некоторых стран ЕС, утверждающие, что Европа не может “позволить себе роскошь” и дальше пребывать в состоянии конфликта⁴. Это аналитики, в том числе демократических взглядов, убеждающие публику, что остановить приближение к большой войне можно только заключив с Россией соглашение о разграничении сфер влияния в Европе по образцу Ялты или Хельсинки⁵.

Проведение солидарной европейской политики на украинском направлении наталкивается и на институциональные препятствия. Решения по внешнеполитическим вопросам требуют консенсуса. Воспользовавшись этим, голландские антиевропеисты добились проведения в апреле 2016 г. консультативного референдума о ратификации соглашения об ассоциации Украины с ЕС. Незначительным большинством (20% от общего числа голландских избирателей и 0.6% от всего электората ЕС) встревоженные граждане, не располагающие ни опытом, ни познаниями для решения далекого от их повседневной жизни вопроса, проголосовали против ассоциации⁶.

⁴См., например, заявление венгерского премьера В. Орбана по итогам визита в Москву и заявления министров Италии и Греции о намерении воспрепятствовать продлению санкций [9; 10].

⁵С обоснованием такой позиции выступает, например, известный либеральный аналитик В. Пастухов [11].

⁶Таким же числом голосов голландцы отвергли в 2004 г. Конституцию ЕС [12, 13].

Правда, существуют неформализованные возможности приводить позиции всех государств ЕС в критических ситуациях к общему знаменателю. Возможности эти, по-видимому, не вполне надежны и в каких-то случаях реализовать их будет трудно. Но пока что скрытые механизмы работают. В марте 2016 г. министры иностранных дел стран ЕС единогласно утвердили “Пять руководящих принципов политики ЕС по отношению к России”. Было подтверждено, что любое существенное изменение в отношениях с Россией зависит не только от полного выполнения Минских соглашений. Сверх того к числу таких принципов — это чрезвычайно важно! — отнесено было “решительное непризнание аннексии Крыма”. Министры ЕС подтвердили также намерение “оказывать нарастающую поддержку российскому гражданскому обществу, содействовать и поддерживать контакты между людьми” [14]. Это, правда, лишь декларация о намерениях. Сложные проблемы имплементации заявленной стратегии остаются за кадром.

В итоге разрешение украинского кризиса в обозримый период, будет блокироваться переплетением *трех невозможностей*. *Невозможностью* остановить сползание *самой Украины* к состоянию *failed state* до тех пор, пока там не сформируются силы, способные устранить разрыв между обществом и политической системой и соединить народное движение с государственной политикой⁷. *Невозможностью для России* не только “сдать” своих донбасских клиентов, но и признать незаконным присоединение Крыма в том виде, как он был осуществлен, отказаться от поддержки донбасских сепаратистов и “лежащей в основе всей ее украинской политики концепции ограниченного суверенитета”⁸ — если и пока не произойдет принципиальное изменение в структуре и характере ее нынешней власти. *Невозможностью для Европейского союза* — вопреки разочарованию позицией Украины на Западе, вопреки соблазнам *real politics* — пойти на договоренность с Россией по образцу Ялты-45 — пренебречь ценностями, которые

⁷“Политические группы и бизнес не смогли сформулировать задачи и проекты, которые переживались бы как общее национальное дело, — пишет украинский автор. — Процветают коррупция, двуличие в отношении реформ... Вместо консолидации и экономического энтузиазма — алчность и эгоизм. Вместо прорывных проектов — примитивное выпрашивание денег и воровство” [15].

⁸“Сторона, которая начала все это, во всяком случае начала действовать с позиции силы, демонстрирует нежелание договариваться, выдвигая невыполнимые условия...”, — отмечает В. Мироненко, руководитель Центра украинских исследований Института Европы РАН. — Чего в этом случае следует ожидать от противной стороны? Правильно, продолжения санкций и ожидания, пока ущерб от них станет неприемлемым” [16].

заложены в его основание. С конца Второй мировой войны, когда Сталин с Черчиллем могли секретно согласовать послевоенное разграничение в Европе, прошло много лет.

УЯЗВИМЫЕ ЗВЕНЬЯ ЕВРОСОЮЗА

Вступление в ЕС стран, отставших от него по уровню экономического развития и социальным показателям, открывало им благоприятные экономические возможности и гарантии безопасности. Не зря на присоединение к нему, когда semaфор был открыт, выстроилась очередь. Однако вступление в ЕС не только предоставляло разнообразные преимущества и привилегии, но и накладывало обязательства. Не только на новоприсельцев, но и на основателей. ЕС принимал в свой состав (или заключал соглашения об ассоциации, что было предварительной ступенью присоединения к нему) страны, удовлетворявшие установленным и заранее объявленным критериям. И оказывал дисциплинирующее воздействие на их соблюдение. Здесь возникают непростые коллизии. В частности, вокруг стран, рассчитывающих в трудную минуту получить помощь из общих фондов или непосредственно от более состоятельных союзников.

Показателен в этом отношении пример Греции. Чтобы получить займы на покрытие бюджетного дефицита, от нее потребовали привести патерналистскую систему жизни в долг, к которой страна постепенно привыкала, в соответствии с ее экономическими возможностями. Требования ЕС пришли в противоречие с необоснованными обещаниями, которые давала избирателям лидировавшая и победившая на последних выборах левопопулистская партия “Сириза”. Болезненные меры, предназначенные для того чтобы отвести угрозу экономического коллапса, вызвали волну социальных протестов. В конечном счете были выработаны условия, позволившие греческому правительству совладать с протестным движением и в то же время убедить ЕС, что в экономическую политику будут внесены коррективы. Перспектива разрыва с ЕС, которой угрожали ораторы на афинских площадях, сочтена была хоть и популистскими, но не совсем уж безответственными политиками, победившими на выборах, слишком безумной. Но зарекаться на будущее от безумств возбужденной толпы политически неграмотно. Конфликт, несколько месяцев сотрясавший Грецию, был приглушен, но не разрешен. Он может вновь вспыхнуть здесь, да и в других странах, ибо иждивенческие запросы интенсивно эксплуатируются левыми и правыми популистами, влияние которых растет.

БРЕКЗИТ

Деструктивные тенденции наблюдаются и в исторических центрах системы. В июне 2016 г. британцы на референдуме высказались за выход своей страны из ЕС. Это решение было неожиданным. Его приняли с незначительным перевесом (52 к 48%), вразрез с призывами большинства английских и европейских политиков. Не помогли далеко идущие уступки, которые ЕС пообещал сторонникам Брексита. Это был самый серьезный удар по европейской интеграции после отклонения европейской Конституции на референдумах во Франции и Голландии в 2005 г.

Решение о выходе Британии из ЕС, в котором она “квартировала” более 40 лет и на развитие которого оказывала серьезное влияние (правда, нередко сдерживавшее объединительный процесс), — слишком заметное событие, чтобы не оказаться в центре общественного внимания. В ЕС страны вступали, нередко преодолевая сопротивление его противников, но никто еще из него не выходил. Решение, принятое, хотя и жидким большинством британцев, создало ситуацию чрезвычайную, по своим вероятным последствиям, возможно, равнозначную (или даже в чем-то превосходящую) все известные ключевые точки послевоенного объединительного процесса в Европе. Оно было неожиданным и для его сторонников, и для противников, перевес которых обозначился лишь на заключительной стадии подсчета голосов. Свобода выхода из ЕС заложена в Лиссабонском договоре. Но каким образом, в какие сроки, с какими компенсациями для всех участников могут быть разорваны (или преобразованы) отношения, зафиксированные во множестве международных соглашений, — вопрос открытый. Его решение потребует немало времени и трудных переговоров. Обеспечить более или менее удовлетворительный баланс интересов всех заинтересованных сторон (включая не поддержавших Брексит жителей территорий, входящих в Соединенное королевство) — задача сродни решению квадратуры круга. Радоваться итогу референдума могут лишь политики, которые способов ее решения не ведают и в ущемлении роли ЕС находят подаренное им политическое пространство, на котором можно вести не слишком чистоплотные игры.

Видимо, самым простым вариантом было бы пойти навстречу 4.5 млн граждан Великобритании, поставившим подписи под требованием пересмотреть итоги референдума и вернуть ситуацию на исходный рубеж. Самым простым, но не самым легким и практичным, потому что британское общество в данном вопросе расколото примерно пополам, и любое радикальное решение

(типа: как сохранить все блага, проистекающие из принадлежности к Союзу, и освободиться от накладываемых им обязательств) вызовет серьезное сопротивление. Поэтому решение обновленного правительства консерваторов — исходить из результата референдума и пока что приступить к трудным и неторопливым переговорам с партнерами — представляется разумным. Что на этом пути будет получаться — сказать трудно. Поиск решений и полурешений определит развитие событий. Это вполне почтенное занятие для политиков и дипломатов. Можно пожелать им успеха в поисках выхода при сопоставлении разных вариантов решения. Но упаси бог ученых от того, чтобы влиться в их ряды. Они не могут отвлечься от объективного и неодолимого характера объединительного процесса в Европе. Казус британского референдума — серьезное осложнение на этом пути. Не первый и, вероятно, не последний откат в интеграционном процессе. Но в диапазоне не нескольких месяцев или даже лет, а десятилетий этот процесс необратим. Рациональное решение лежит не в ослаблении ЕС, которое заботит евроскептиков, а в поиске адекватных в сложившейся ситуации способов экономического и политического сохранения Великобритании в европейском интеграционном процессе.

Следует учитывать, что развитие объединительных процессов в Европе будет зависеть не только от сроков и способов разрешения кризиса, спровоцированного Брекситом. Центробежные устремления проявляются и на уровне регионов: многие каталонцы полагают, что свои проблемы им сподручнее будет решать вне Испании, шотландцы — вне Великобритании, фламандцы — вне Бельгии и т.д. Преодолеть эти деструктивные тенденции — важная самостоятельная задача.

Серьезную и, к сожалению, пока еще не вполне оцененную для европейской демократии опасность представляют участвовавшие выбросы национализма, ксенофобии, неонацизма, социальной агрессии. Правда, в “старой” Европе, накопившей немалый опыт преодоления этих зол, их носителей пока все же в большинстве случаев удается держать на периферии политической жизни. Но в странах Центральной и Восточной Европы рецидивы давнего и недавнего прошлого то и дело пробиваются на государственный уровень и оказываются в центре национальной политики, перечеркивая, как могло показаться, необратимые достижения демократического транзита 80–90-х годов. Это относится и к тем странам, которые в социалистическом лагере слыли “самыми веселыми бараками” — Польше и Венгрии.

ДЕВОЛЮЦИЯ В ПОЛЬШЕ

Польша среди бывших социалистических стран имела немало оснований стать образцом в продвижении к рынку и демократии. Здесь еще при коммунистическом режиме в лице рабочей “Солидарности” и интеллигентского КОС-КОР возникли и заявили о себе в политике структуры организованного гражданского общества. На стороне многомиллионной “Солидарности” в ее противостоянии с властями стояло практически все польское общество. В 1980–1981 гг. страна вплотную подошла к смене общественного строя. Рабочих лидеров “Солидарности” и их советников из интеллигенции от решительного штурма удерживала только угроза советской интервенции: они хорошо помнили, что произошло в аналогичной ситуации в Венгрии и в Чехословакии. Не в силах совладать с натиском общественного движения бессильная партийная элита сдала власть госбезопасности и военным, которые направили своих надзирателей во все государственные и экономические организации — вплоть до предприятий. Структуры “Солидарности”, пронизавшие в 1979–1981 гг. всю страну, были разбиты. Вернуть себе прежний уровень влияния они уже не смогли. Начавшаяся было революция тогда не завершилась.

Но открытая военно-полицейская диктатура оказалась неспособна решить ни одной стоявшей перед страной проблемы, и лишь отсрочила конец режима — до смены власти в Москве. У генеральской верхушки, возглавлявшейся Войцехом Ярузельским, хватило разума и ответственности, чтобы в условиях кризиса и возобновившихся забастовок пойти на проведение круглого стола с оппозицией. На нем были обговорены решения, открывшие путь к мирному и легитимному переходу власти. На выборах 1989 г. правившая 40 лет партия несмотря на предусмотренные для нее преференции потерпела поражение. К власти пришло правительство, возглавлявшееся видным деятелем оппозиции Тадеушем Мазовецким.

О рыночной реформе Бальцеровича, к которой сразу же приступили в Польше под угрозой хозяйственного хаоса, существуют такие же разноречия, как и в России о реформе Гайдара. Но по свидетельству польских экспертов, экономику удалось реформировать “резко, одним рывком”: уже на третьем году после начала реформ наметился экономический рост, увеличивались инвестиции, на низком уровне оставалась инфляция. Польша первой среди посткоммунистических стран вышла на дореформенный уровень развития, и “миллионы людей быстро научились жить в условиях рыночной экономики” [17, сс. 116–118].

Тем более неожиданными представляются высказанные в наши дни суждения видных деятелей “польской весны”. Приведу два из них. Вот заключение левого политика Кароля Модзелевского: “Трансформация модернизировала Польшу, но цена, которую заплатило за нее общество, была очень высокой, и, что самое главное, — ее последствия оказались весьма длительными... В нашей хромающей демократии все еще живы зародыши полицейского государства... Наследие тех времен сохранилось в способе мышления политиков, полицейских и обычных граждан... Общественные язвы, деформирующие и разрушающие завоеванную свободу, являются для нее смертельной угрозой” [18, сс. 422, 442–444]. Оценка пройденного пути его соратником и одним из самых ярких идеологов и политиков сегодняшней Польши Адамом Михником иная: “Польская трансформация прошла успешно... Последние 20 лет — это лучшие годы в истории Польши за истекшие три столетия”. Но ныне сложившееся положение он оценивает сходным образом: у власти — политическая партия вождистского типа, непрерывно провоцирующая конфликты, раскалывающая страну на “солидарную” и “либеральную”, “на своих сторонников и всех остальных” и сеющая “моральное одичание” [19, сс. 29, 31, 36, 38].

Поразительно, что к такому итогу привела продолжавшаяся с 1989 г. периодическая ротация у власти разных партий (или коалиций) на свободных, в основном демократических выборах. В 90-х годах власть оспаривали наследники “Солидарности”, так и не сумевшей вернуть себе прежнее влияние, и левый конгломерат, в состав которого вошли экс-коммунисты, перерождавшиеся в социал-демократов западного типа. В следующем десятилетии левый электорат растворился, борьбу за власть повели две окрепшие партии: либеральная, модернизаторская, проевропейская “Гражданская платформа” (ГП) и традиционалистская, клерикальная “Право и справедливость” (ПиС). Обе они родом из “Солидарности”, но представляют сейчас две разные Польши — выигравшую от реформ и устремленную в Европу и страну малых городов и селений, плохо вписавшихся в модернизацию, противопоставляющую ей национальные и религиозные традиции, не чуждую ксенофобии, падкую на популистскую риторику. Эти партии воплощают разные тенденции дальнейшего политического развития — демократическую и авторитарную. На выборах они выступали с переменным успехом: в 2005 г. перевес был на стороне ПиС, в 2007 и 2011 гг. с заметным отрывом лидировала ГП.

В 2015 г. большинство в Сейме (и, следовательно, в правительстве) и президентский пост вернула себе ПиС [20] со всеми вытекающими из этого последствиями и опасностями, на которые справедливо

обращают внимание Модзелевский и Михник. Но общественная жизнь в Польше не умерла. Неслабая оппозиция, представленная в парламенте, владеет влиятельными средствами массовой информации, выходец из нее Дональд Туск занял ключевой пост в ЕС, на ее стороне — видные представители польской интеллигенции. Кроме того, Польша по многим причинам слишком заинтересована в пребывании в ЕС, чтобы ожидать от нее неординарных шагов. Сейчас польский социум в лице “Партии вчерашнего дня” (у власти с внушительным электоральным перевесом — 38 к 24%) выдал объединяющейся Европе политически инородное тело. Это опасно. Но считать произошедший поворот необратимым на перспективу по меньшей мере преждевременно⁹.

ВЕНГРИЯ: ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЕ МАФИОЗНОЕ ГОСУДАРСТВО

Политическое развитие в Венгрии после выхода из социализма было более сложным, а открывающаяся перед ней перспектива — менее определенной (или даже более опасной). Здесь еще в 60-х годах была опробована экономическая реформа, предусматривавшая введение рыночных механизмов. В 1989 г. на Круглом столе власть и оппозиция договорились о возврате к парламентской республике, восстановлении запрещенных партий и проведении свободных выборов. Сменившая руководство правившая партия, как и в Польше, вступившая в процесс социал-демократической трансформации (что как раз и обеспечило мирный демонтаж прежнего режима), не раз добивалась успеха на выборах и возглавляла правительственные коалиции. В Венгрии и за ее пределами изменения в общественных настроениях в стране и сдвиги в ее социальной структуре и поведении избирателей были оценены не сразу. В начале нулевых годов венгерские ученые обратили внимание на возникновение в обществе новых линий раскола, “вытекающих из общественных конфликтов и переходящих в партийные позиции, поляризующих избирателей и выстраивающих более или менее устойчивые политические блоки”.

Самым неожиданным в актуальных социологических исследованиях стало выделение разломов преимущественно культурного характера внутри среднего класса. Но в венгерском обществе быстро возобладал

⁹ “Пропагандой ненависти, ложью и пустыми обещаниями можно увлечь и в условиях демократии”, — утверждает автор польских реформ Л. Бальцеревич. Но “в Польше не произошло какого-то резкого разворота общественного мнения...” [21].

объединяющий настрой: идти в Европу, совершить рывок из “гуляш-социализма” к европейским потребительским стандартам, к свободному выезду на Запад. Добиться относительного экономического процветания в стране, бедной природными ресурсами и вразливившейся почти всей созданной при социализме, а в рыночных условиях совершенно неконкурентоспособной промышленности, можно было лишь широчайшим привлечением иностранных инвестиций и займов. Внешний долг страны достиг величины, сопоставимой с годовым ее ВВП. Страна привыкала жить не по средствам [19, сс. 378, 384].

Кризис 2008–2009 гг. обрушил не заработанное благосостояние граждан. Рушилась система социальной благотворительности, вдвое выросло число бедных [19, с. 390]. Жизнь миллионов венгров, уже привыкших к европейским стандартам потребления, вновь начала круто меняться, теперь – к худшему. Социологические опросы стали приносить ошеломляющие результаты. Ответственность общество возложило на партии, находившиеся у власти. Надежды стали возлагаться на решительного лидера, который будет править “сильной рукой” [19, сс. 378–379, 390].

На выборах 2006 г. расклад голосов заметно изменился. При голосовании по партийным спискам с прежним лидером правительственной коалиции – Венгерской социалистической партией (43%) сравнялся ФИДЕС (в младенчестве – Союз молодых демократов). В союзе с христианской партией он взял 42%, и только конструкция избирательной системы оставила его в парламентском меньшинстве. Политолог Акош Силади по итогам этих выборов пришел к заключению о возникновении в стране “двух противоборствующих средних классов, двух конгломератов, отличающихся по своему генезису, общественному положению, по масштабу и структуре капитала, по отношению к государству и политическим интересам. При лидерстве ФИДЕС, сменившего либеральное идеологическое оформление на национальное и христианское, стала формироваться этатистская система – “способ функционирования демократических институтов... – антилиберальный, недемократический, зачастую патерналистский и автократический. Переформатированная власть становилась заведомо несменяемой” [22, сс. 56–58; 23]. “Молодые демократы”, влившиеся в ФИДЕС, на выборах ринулись отвоевывать власть у среднего класса, “исторически сложившегося” еще на закате правления Я. Кадара. Соответственно стал меняться социально-политический облик новых претендентов на власть. “Сначала они были радикальными сторонниками свободы, потом радикальными приверженцами порядка, а сейчас превратились в радикальных популистов и мечтают о порядке без свободы, который они называют

“народовластием”, “властью большинства”. В их стратегии и тактике смешаны все разновидности радикализма – национальный, социальный, религиозный, этнический [22, сс. 107, 118].

На парламентских выборах 2010 г. партии распавшейся левоцентристской коалиции – социалисты и либералы – потерпели поражение. Выиграл ФИДЕС, заслуживший имя “политического стервятника”, завладевший парламентским большинством и окончательно соскользнувший с либеральных на националистические и консервативные позиции. На выборах 2014 г. ФИДЕС, хотя и потерял заметную часть своего предыдущего электората, получил конституционное большинство в парламенте и закрепил за собой политическую монополию¹⁰. Произошла ротация власти. ФИДЕС, как полагают венгерские ученые, перестал быть обычной парламентской политической партией. На каждые выборы он шел как на войну, превращая относительно цивилизованное соревнование в захватную операцию. Его противник на этой войне – не просто средний класс прежнего призыва, а венгерское общество с его коренными, долговременными интересами.

В современной истории так бывало не раз: в кризисной ситуации на демократических выборах партии, овладевшей приемами броской демагогии, большинство избирателей вручало мандат на переход к антидемократической системе, которая вслед за тем становилась более жесткой. Совершился разворот на 180°, утверждает известный венгерский экономист Янош Корнай. Разрушаются фундаментальные институты политической демократии, права функционирования гражданского общества, плюрализма и интеллектуальной жизни. “Возникла и укрепилась пирамида власти, на вершине которой находится верховный лидер. Непосредственно под ним стоит группа тщательно отобранных приспешников, безоговорочно преданных лидеру и готовых исполнять любые распоряжения”. Коверкается избирательная система. Государство энергично вторгается в экономику, регулирование которой осуществляют люди некомпетентные и коррумпированные, но зато “свои”. Насаждается идеология антиевропеизма¹¹.

Попытки вернуть Венгрию к демократическим и правовым нормам Европейского союза были предприняты извне. Сначала в Будапешт были

¹⁰ На выборах 2010 г. за ФИДЕС было подано 52.8%, 2014 г. – 44.9% голосов. Но по правилам венгерской избирательной системы ему досталось и в том, и в другом случае 2/3 мандатов в парламенте. Продвинулась также партия Йоббик – отчетливо антиевропейская, агрессивная, антисемитская, антицыганская (с 16.7 до 20.2%) [24].

¹¹ Янош Корнай – ученый мирового класса, автор опубликованного в 1982 г. в Будапеште и переведенного на многие языки прорывного исследования основ социалистической экономики “Дефицит” (русское издание – 1990 г.) [25].

направлены предупреждения, а когда они не возымели действия, ЕС и США ввели санкции. Но и они оказались неэффективными. “Нам не могут диктовать ни Брюссель, ни Москва”, – заявил лидер режима, научившегося искусно исполнять пируэты “танца павлина”, комбинируя в своей политике “элементы согласия, договоренности, несогласия и сопротивления”. Давление извне не смогло вернуть жизнь атрибутам демократии, появившимся было в Венгрии. И все же противники режима не теряют надежды на то, что Венгрия – европейская страна, и перед внешним давлением не устоит. Он уже начал проигрывать на некоторых выборах. “Далее последуют эрозия, агония, затем – крах...” Так видит перспективу Балинт Мадьяр, известный венгерский ученый [26, сс. 328-334, 343-351, 356-358]. Оптимистические ожидания вызывают уважение, но, имея дело с режимом, неплохо освоившим авторитарные методы манипулирования поведением граждан, к замене возможного желаемым, да еще в близком будущем, не лишне подходить с осторожностью.

* * *

Деформации подобного рода исторически известны не только полякам и венграм. Строители объединенной Европы, как правило, ревностно относятся к соблюдению экономических условий интеграции. Не меньшую, а скорее большую угрозу представляет теперь деволюция политических систем, признаки которой можно усмотреть в ряде периферийных стран Союза. Под вопрос ставятся ценности, образующие основу и привлекательный имидж Евросоюза. Адекватный ответ на него не просто найти и тем более реализовать при ограничениях, на которые наталкивается продвижение наднациональных институтов Союза. Европейским обществам и их политическим классам придется дать ответ и на более общий вопрос. Каким образом и кем перед лицом грозных, беспрецедентных вызовов современного мира могут быть защищены не только ценностные основы, на которые опирается интеграция в ЕС, но и сама европейская цивилизация?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Шейнис В. Европейская интеграция вчера и сегодня. *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, т. 61, № 1, сс. 43-56. [Sheinis V. Evropeiskaya integratsiya vchera i segodnya [European Integration in Past and Present]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 61, no. 1, pp. 43-56.]
2. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. Москва, ООО “Издательство АСТ”, 2003. 501 с. [Engl. Ed.: Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, Simon & Schuster, 1996. 368 p.]
3. Арбатова Н.К., Кокеев А. М., ред. *ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран*. Москва, ИМЭМО РАН, 2016. 52 с. [Arbatova N. K., Kokeyev A. M., eds. *ES pered vyzovom migratsionnogo krizisa. Pozitsii evropeiskikh stran* [The EU in the Face of Migration Crisis. Positions of European Countries]. Moscow, IMEMO RAN, 2016. 52 p.]
4. Плеханов И. *Военные новости: сколько миллионов мигрантов хлынут в Европу весной*. [Plekhanov I. *Voennye novosti: skol'ko millionov migrantov khlynut v Evropu vesnoi* [Military News: How Many Millions of Migrant Workers Will Rush to Europe in the Spring]] Available at: <http://insomi.ru/politics/20160121/235127075.html> (accessed 20.10.2016).
5. *Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10.02.2007*. [Speech and the Following Discussion at the Munich Conference on Security Policy 10.02.2007 (In Russ.)] Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (accessed 20.10.2016).
6. Юргенс И., Кулик С. *Вечные спутники: Россия и Европа в меняющемся мире*. Москва, Экон-информ, 2013. 254 с. [Yurgens I., Kulik S. *Vechnye sputniki: Rossiya i Evropa v menayushchemsya mire* [Eternal Companions: Russia and Europe in a Changing World]. Moscow, Ekon-inform, 2013. 254 p.]
7. Арбатова Н.К., ред. *Отношения Евросоюз–Россия и Украинский кризис*. Москва, ИМЭМО РАН, 2014. 183 с. [Arbatova N. K., ed. *Otnosheniya Evrosoyuz–Rossiya i Ukrainskii krizis* [EU–Russia Relations and the Ukrainian Crisis]. Moscow, IMEMO RAN, 2014. 183 p.]
8. *Общественное мнение – 2015*. Москва, Левада-Центр, 2016. 308 с. [Public Opinion – 2015. Moscow, Levada-Center, 2016. 308 p. (In Russ)]
9. О кризисе в Евросоюзе и новых партнерах России. *Независимая газета*, 19.02.2016. [On the Crisis in the EU and the New Russia's Partners. *Nezavisimaya gazeta*, 19.02.2016 (In Russ.)]
10. Санкции. *Независимая газета*, 27.04.2016. [Sanctions. *Nezavisimaya gazeta*, 27.04.2016 (In Russ.)]
11. Пастухов В. Блаженны миротворцы, или Европа между Мюнхеном и Ялтой. *Новая газета*, 27.03.2015. [Pastukhov V. Blazhenny mirotvortsy, ili Evropa mezhdu Myunkhenom i Yaltoi [Blessed are the peacemakers, or Europe between Munchen and Yalta]. *Novaya gazeta*, 27.03.2015.]
12. Референдум об ассоциации Украины стал серьезным тестом для Евросоюза. *Новая газета*, 11.04.2016. [Referendum on Ukraine's Association Has Been a Serious Test for the EU. *Novaya gazeta*, 11.04.2016 (In Russ.)]
13. Швейцер В. Референдум в Нидерландах и его эхо. *Независимая газета*, 12.04.2016. [Shveitser V. Referendum v Niderlandakh i ego echo [The Referendum in the Netherlands and Its Echo]. *Nezavisimaya gazeta*, 12.04.2016.]
14. *Remarks by High Representative/Vice-President Federica Mogherini at the Press Conference Following the Foreign Affairs Council*. Brussels. 14.03.2016. Available at: http://eeas.europa.eu/statements-eeas/2016/160314_02_en.htm (accessed 20.10.2016).
15. Ермолаев А. Стране нужна передышка. *Зеркало недели. Украина*, 08.04.2016. [Ermolaev A. Strane nuzhna peredyshka [The Country Needs a Break]. *Zerkalo nedeli. Ukraina*, 08.04.2016.]

16. Мироненко В. *Россия и Украина: что дальше? Доклад на Круглом столе в Фонде “Либеральная миссия”*. Москва, 05.04.2016. [Mironenko V. *Rossiya i Ukraina: chto dal'she? Doklad na Kruglom stole v Fonde “Liberal'naya missiya”* [Russia and Ukraine: What Next? A Report at the Round Table in the Fund “Liberal Mission”]. Moscow, 05.04.2016.] Available at: www.liberal.ru/articles/7044 (accessed 20.10.2016).
17. Клямкин И., Шевцова Л., ред. *Путь в Европу*. Москва, Новое издательство, 2008. 400 с. [Klyamkin I., Shevtsova L., eds. *Put' v Evropu* [A Way to Europe]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2008. 400 p.]
18. Модзелевский К. *Клячу истории загоним. Признания заезженного седока*. Москва, Художественная литература, 2015. 447 с. [Polish ed.: Modzelewski K. *Zajeżdżymy kobyłę historii. Wyznania poobijanego jeźdźca*. Warszawa, Wydawnictwo Iskry, 2013. 456 s.]
19. Никифоров К. В., ред. *Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя*. Москва, РОССПЭН, 2011. 776 с. [Nikiforov K. V., ed. *Revoljutsii i reformy v stranakh Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy: 20 let spustya* [Revolutions and Reforms in the Countries of Central and South-Eastern Europe: 20 Years Later]. Moscow, ROSSPEN, 2011. 776 p.]
20. *Парламентские выборы в Польше. 2005, 2007, 2011, 2015*. [Parliamentary Elections in Poland. 2005, 2007, 2011, 2015 (In Russ.)] Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (accessed 24.10.2016).
21. Партии “Право и справедливость” скажем – стоп! *Новая Польша*, Warszawa, 2016, № 1, сс. 6-7. [Partii Pravo i spravedlivost' skazhem stop [One Must Say Stop to the Party “Law and Justice”]. *Novaya Pol'sha*, Warszawa, 2016, no. 1, pp. 6-7.] Available at: <http://novpol.org/ru/Ekq0xSwvl/Partii-Pravo-i-Spravedlivost-skazhem-stop> (accessed 24.10.2016).
22. *Холодная гражданская война. Раскол венгерского общества*. Москва, Новое литературное обозрение, 2009. 224 с. [New Cold War. Split of the Hungarian Society]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 224 p. (In Russ.)]
23. *Парламентские выборы в Венгрии. 2006*. [Parliamentary Elections in Hungary. 2006. (In Russ.)] Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (accessed 24.10.2016).
24. *Парламентские выборы в Венгрии. 2010, 2014*. [Parliamentary Elections in Hungary 2010, 2014 (In Russ.)] Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (accessed 24.10.2016).
25. Корнай Я. Венгрия: разворот на 180°. *Rigas laiks* (рус. изд.), осень 2015, сс. 6-16. [Kornai Ya. Vengriya: razvorot na 180° [Hungary: a 180-degree turn]. *Rigas laiks* (Russ. ed.), Autumn 2015, pp. 6-16. Available at: <http://www.podpisnie.ru/books/1062303> (accessed 24.10.2016).
26. Мадьяр Б. *Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. На примере Венгрии*. Москва, Новое литературное обозрение, 2016. 390 с. [Mad'ar B. *Anatomi'a postkomunisticheskogo mafioznogo gosudarstva. Na primere Vengrii* [Anatomy of the Post-Communist Mafia State (Example of Hungary)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 390 p.]

NEW CHALLENGES FOR THE EUROPEAN UNION POLITICAL SYSTEMS

(*World Economy and International Relations*, 2017, vol. 61, no 2, pp. 23-32)

Received 18.10.2016.

Viktor L. SHEINIS (sheynis31@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Economic and political integration of European states has had its ups and downs. At present, the European Union has fallen into crisis, probably the most acute in history. Solution approaches to emerging problems are not clear. This creates excessive tensions and accelerates apprehensive attitudes. But the processes breaking out in Europe, which have already changed its layout, have objective reasons, and their main results are irreversible. The European societies are facing challenging but solvable problems. First of all, the EU is undergoing the most broad-scale migration crisis after the World War II. Actions taken are at best able to alleviate the acuteness of the situation, but are unlikely to bring a working solution in the long run. On the one hand, Europe can neither cut itself off the increasing influx of the foreign culture, nor absorb it or assure the conflict free coexistence between migrants and the native population. On the other hand, the aggressive rejection of migrants by nationalist and racist groups constitutes a big danger. In whole, all this makes a grim social cocktail which threatens the European democracy and solidarity. Acute contradictions between the former USSR and European countries are based on their own history. Since the times of restructuring in the USSR, the concept of an expected serious turn in relations between Russia and the West once for all has been forming. However, now the falseness of it became obvious. Not even a satisfactory solution of one utterly acute Ukrainian crisis is forthcoming. And it may be followed by other crises. Assailable elements became apparent also in the EU itself. The highest contradictions point here was the Brexit – the referendum where the British people have by a small majority taken an unprecedented decision of leaving the EU. The European democracy is greatly endangered by bursts of nationalism, radical populism and social aggression in some EU states (Poland and especially Hungary). The European societies and politicians are to give an answer which way the fundamentals of the EU integration and the European civilization itself may and must be protected in the face of the modern world's severe challenges.

Keywords: migration crisis as a tip of complicated problems, Ukrainian crisis and a backward turn in Europe–Russia relations, assailable elements of the European Union, Brexit, political devolution in Poland and Hungary.

About author:

Viktor L. SHEINIS, Doctor of Economics, Principal Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-2-23-32